

ГУМАНИТАРИСТСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ТЕХНИЦИЗМУ

Подано порівняльний аналіз особливостей природознавчого (техніцизм) та гуманітарного знань щодо унікальності / загальнозначущості в контексті пошуку альтернативи техніцизму. Автор звертає увагу на теорії А. Шопенгауера, Ф. Ніцше, З. Фрейда, релігійних та антирелігійних течій в екзистенціалізмі, постмодернізму щодо наявності важелів для суттєвого розгляду проблем глобалізації, погіршення стану навколишнього середовища, життєдіяльності сім'ї. Запропоновано розглядати здоровий глузд як спрощену альтернативу техніцизму.

Ключові слова: здоровий глузд, альтернативи техніцизму та гуманітаристики, еквівалентність преференції вибору культур у правознавстві, політології та культурології, загальнозначущий (обов'язковий) критерій вибору, етика, глобалізація, родинна криза.

Подается сравнительный анализ особенностей природоведческого (технизм) и гуманитарного знаний относительно уникальности / общезначимости в контексте поиска альтернативы технизма. Автор обращает внимание на теории А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, З. Фрейда, религиозных и антирелигиозных направлений в экзистенциализме, постмодернизма относительно наличия рычагов для сущностного рассмотрения проблем глобализации, ухудшения состояния окружающей среды, жизнедеятельности семьи. Предложено рассматривать здравый смысл как упрощенную альтернативу технизму.

Ключевые слова: здравый смысл, альтернативы технизма и гуманитаристики, эквивалентность преференции выбора культур в правоведении, политологии и культурологии, общезначимый (обязательный) критерий выбора, этика, глобализация, семейный кризис.

It is disclosed critics to the humanitarian claim about an equivalence of cultures by choices of technician and humanitarian alternatives. It is showed analyses of science of justice, science of politics and ethics through given alternatives. A. Shopenhauer, F. Nitzshe, religion and atheistic existentionalism, S. Freud, postmodern are not found perspectives for globalization, deterioration of environments and family crisis in their theory. Author proposes the commonsense as simplified alternative of the technician one.

Keywords: commonsense, technician and humanitarian alternatives, equivalence of preference by choice of cultures in science of law, politics and science of culture, obligatory criteria of choice, ethics, globalization, family crisis.

Постановка проблеми. Техніцизм, будучи сводом сущностных знаний о природе и человеке, является опорой современного общества постольку, поскольку обуславливает производство средств существования и воспроизводства общества. Вскрывая в любом многообразии сущностное единообразие, технизм всюду вносит единообразие, унификацию. Тем не менее, сущностное единообразие не единственно, множественно, что обеспечивает разнообразие сущностное, хотя оно несравнимо ограниченнее разнообразия явлений (феноменального).

Гуманитаризм, с одной стороны, претендует на сущностное знание человека, включая его отношение к природе, а с другой – требует устранения отрицательных следствий применения техницизма такими средствами, которые игнорируют техницизм. Хотя гуманитарные знания по объёму и глубине уступают техницистским знаниям о человеке, они сами становятся предметом использования, создающего отрицательные следствия. Гуманитарные средства преодоления отрицательных следствий применения техницизма неэффективны либо невразумительны.

Гуманитаризм приемлем в качестве средства выражения беспокойства и протеста против техницизма, но не равноценной или предпочтительной альтернативы техницизму. Упрощённой альтернативой техницизму служит здравый смысл.

Степень разработанности проблемы. Естественно, научные знания и техника, внося всюду действенность и облегчение, теснят самобытность и порождают отрицательные последствия своего применения. Превозносящему естествознание и технику мышлению техницизму противостоит гуманитаризм – мышление, сосредоточенное на знаниях особенностей человека, не постигнутых естествознанием. Проблемами коллизии техницизма и гуманитаризма занимались многие выдающиеся мыслители, например, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, В. С. Соловьев, К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, З. Фрейд. Важно было выяснить, может ли гуманитаризм служить альтернативой техницизму в качестве руководства для решения проблем современности. Исследователи стремятся вскрыть слабости гуманитаризма, не позволяющие ему быть равноценной альтернативой техницизму.

Цель статьи – дать сравнительный анализ познавательных и практических возможностей гуманитаризма и техницизма в современном обществе, показать возможность здравого смысла служить альтернативой техницизму.

Изложение основного материала исследования. Техницизм – это мышление, оперирующее естественно научными – знаниями и знаниями возможностей техники и технологий, основанных на естественно-научных знаниях и изобретениях. Слово «техницизм» кажется более подходящим для противопоставления слову «гуманитаризм» по сравнению с «технократизмом», «сциентизмом» и т. п. Здесь нужно учесть, что гуманитарные знания могут быть научными (логика, лингвистика, этнография, психология и т. д.), претендовать на силу и власть, а потому не быть противопоставленными сциентизму и технократизму (с учётом одного из переводов «техне» как искусства, мастерства). Противопоставление техницизма гуманитаризму основывается на особенностях научно-технического и научно-гуманитарного знания.

Научно-техническое знание, будучи систематизированным, явно истинным, сущностным, практически проверяемым и общезначимым, отличается существенной устойчивостью, обусловленной устойчивостью свойств предмета познания (неживой и живой природы). Применительно к человеку и обществу оно ограничивается биологической и производственно-экономической сторонами их состава и существования. Генетика и экономические теории, в особенности их прикладные разделы, позволяют объяснять, предвидеть и преобразовывать организм человека и общества, они своими изменениями затрагивают другие стороны материальной и

духовной жизни человека и общества: правовые и политические организации и идеи, мораль, искусство и даже религию. Эти стороны жизни людей большей частью не являются предметом естествознания (кроме, может быть, промежуточной между естественными и гуманитарными науками – психологии), и потому на них не распространяются его объяснения и предвидения.

Если всё же названные стороны жизни людей становятся предметом естествознания и технического оснащения, то они оказываются объяснимыми и предвидимыми в логико-математическом и информационном отношениях, а также снабженными техникой для операций или автоматизированными вовсе. В силу относительной независимости социального, и в особенности духовного, от природного и неоднозначности связи между ними, содержательная часть социального ускользает от естествознания (вынужденного ограничиваться формальнологическим и информационным подходами). Содержательные социальные последствия, в особенности качественные изменения социального, не предвидимы современным естествознанием (даже синергетика в представлении Г. Хакена обуславливает предвидение состояния системы заданностью макропараметров порядка). В таком случае объяснения и предвидение социальных процессов и их частностей: сознания и поведения социальных групп и индивидов – оказываются уделом гуманитарного знания. Если естествознание неспособно постичь содержание социального, то следует выяснить, на что способно здесь гуманитарное знание и насколько оно может служить альтернативой естествознанию и техническому изобретательству, т. е. техницизму.

Гуманитарные знания о человечестве в целом скудны. Археология, этнография, сравнительное языкознание, истории народов и учений о морали, праве, политике и т. д. выявляют общность и повторяемость видов трудовой деятельности, имущественного разделения, структур управления, грамматических структур языка, различения добра и зла, дозволенного и недозволенного и т. д. Общность и повторяемость перечисленного носит лишь структурно-функциональный характер. Как только предметом гуманитарного знания оказываются конкретные эпохи, народы, правовые и политические системы и т. д., выявляются качественные различия и неповторимости. Неповторимость явлений истории стала, в частности, доводом неокантианцев Баденской школы в пользу индивидуализирующего метода исследования социальных явлений, который противоположен обобщающему методу исследования природы. Не разделяя субъективизм неокантианства, всё же приходится признать особенности гуманитарного познания, которые тем более заметны, чем менее оно подражает естествознанию или заимствует его методы (наблюдение, эксперимент, измерение; формулировка, развитие и проверка гипотез и т. п.). Эти особенности гуманитарного познания сосредоточены в культурологии, философским основанием которой служит совокупность отдельных идей герменевтики, феноменологии и экзистенциализма, объединённых претензией на подлинный путь познания духовного мира индивида и идеального содержания социальных явлений.

Результатом культурологического постижения мира оказываются уникальность и равноценность культур как самодостаточных, проистекающая из равноценности

терпимость к сосуществующим культурам и индивидуализм, вызываемый отсутствием общезначимых (обязательных) критериев предпочтения норм, с одной стороны, с другой, – самопротиворечивые рекомендации общезначимых норм сосуществования культур, уникальность (включающая несоизмеримость) которых отрицает возможность внешних для каждой из них норм и оценок. Даже кажущиеся очевидными права человека в Декларации ООН оказываются не соответствующими отношениям к человеку в различных культурах, например, исламской и буддийской. Но без общезначимых норм невозможно человеческое общежитие.

Слабость культурологического подхода стремятся преодолеть конкретные гуманитарные области знания, такие как правоведение, политология и этика. Правоведение изыскивает общезначимые обязательные нормы взаимоотношений между государствами и внутри них, которые выражают права и обязанности сторон. Но принцип взаимности, равноправия не осуществим в условиях уникальности или неравенства культур, а также экономического неравенства внутри культур. Можно было бы поверить в надэкономичность права, если бы оно не защищало собственность и обязывало к экономическому равенству. Экономическое неравенство, а не несоизмеримость культур лишают равноправия стороны международных отношений. В частности, демократические решения и правовые нормы ООН теряют общезначимость в условиях различия развитых и отсталых стран.

В претензии на общезначимое правоведение подражает естествознанию, но объективная противоречивость интересов людей вынуждает его явно или скрыто служить части интересов, а не всем им.

Общезначимое и неоспариваемое трудно определить и соблюсти для всех сторон отношений: индивида и общества, родителей и детей, учителей и учащихся, собственников и несобственников и т. д. Тем не менее, общезначимость правоведения роднит его с естествознанием и ведёт к унификации людей, а значит, не противопоставляет установки правоведения техницизму. Альтернативой техницизму может служить правовое обеспечение индивидуальности. Если права индивида повторяют перечень дозволенного обществом, то индивидуальность состоит лишь в количественном отличии возможностей части и целого. Если права индивида не соотносятся с правами общества (разрешено всё, что не запрещено), то они не имеют правового выражения, переводя индивидуальность в неправовые отношения (морали, политики, искусства...). Альтернативность правоведческого техницистскому подходу оказывается мнимой или в лучшем случае смутной.

Политология в той мере, в какой стремится быть нормативной областью знания, подражает естествознанию, подчиняя частные свои суждения общим принципам (таким как «победителей не судят», «политическая целесообразность оправдывает средства её достижения», «прежде чем объединяться, нужно решительно и окончательно размежеваться»). Как и правоведение, политология может определить индивидуальность по таким характеристикам: степени влияния на других людей, полноте выражения интересов социальных групп и средствам достижения целей. Все эти характеристики в конечном счёте опираются на признание социальной сущности человека по К. Марксу и объективно-исторической обусловленности

индивидуальности, в том числе выраженной в величии, по Ф. Энгельсу и Г. В. Плеханову. Выделяемы, индивидуальны лишь политики, остальные – избиратели, управляемые социальные группы. В подражание техницизму есть технологии управления, манипуляции общественным мнением и профессия – политтехнология.

Объект политологии – большие социальные группы, отношения между которыми обусловлены разнообразием, в том числе противоречивостью интересов. Индивид для политологии – представитель конкретной социальной группы и в качестве представителя он отличается от других индивидов – представителей социальных групп. Различия между индивидами внутри социальных групп политологию не интересуют. Если на политологию возлагать надежду как на знание о человеке, индивиде, то оправдание этой надежды не выйдет за пределы аристотелевского представления о человеке как политическом животном. Поскольку политика является в конечном счёте концентрированным выражением экономики, а современная экономика опирается на техницизм, искать в политологии равноценную техницизму альтернативу ошибочно.

В отличие от правоведения и политологии, этика в своей истории продемонстрировала два варианта учений о морали – учения об общественной морали и учения об индивидуальной морали.

Объектом учений об общественной морали служат моральные установки народов и социальных групп, т. е. надындивидуальная мораль. Будучи всеобъемлющим сводом неписанных норм поведения людей, общественная мораль отражает отношения между людьми, вызванные их материальными и духовными интересами. Этические учения показывают разнообразие норм морали в истории человечества, включающее взаимное противопоставление осуждаемого и одобряемого у различных социальных групп и народов. Это обстоятельство указывает не на уникальность или индивидуальность морали и этики, а на лишённость общезначимости этики одних социальных групп для других. Этим же объясняется тщетность поиска общечеловеческих этических норм и принятия в качестве таковых норм той или иной религиозной этики. Более того, наблюдается тенденция размножения этик отдельных областей деятельности (бизнеса, биологии, геологии...). Этика такого состояния общественной морали не защищает индивидуальное в человеке, а уравнивает с индивидами, объединёнными производственным интересом, т. е. односторонне унифицирует.

Попыткой связать этику с индивидуальным духовным миром человека являются этика А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и экзистенциализма.

Философия А. Шопенгауэра изображает индивида заданным объективацией мировой воли к жизни – характером. Познавая и действуя в мире индивидуаций, представлений воли к жизни, человек служит не своей сущности, а видимости, в том числе видимости (представлению) общего всем индивидам (живущим и последующим), одним из видов которого оказывается общественная мораль. Интуитивно постигая свою сущность, индивид обнаруживает волю к жизни, одну и ту же во всех индивидуациях, которые посягают на материю и пространство друг друга.

Потребности индивидуаций ненасытны, служение им причиняет индивидам постоянные страдания (от нехватки и пресыщения). Так что индивидуальность сохраняется лишь количественно в силе страдания пропорциональной силе потребностей; она исчезает качественно, ибо всякая индивидуальность – одно из представлений безликой воли к жизни, свободно распоряжающейся судьбой индивидов, – быть страдающими. Чтобы обнаружить свою человеческую индивидуальность, нужно войти в мир своей свободы, которая заключена в надындивидуальной воле к жизни, и преодолеть зависимость от потребностей своего тела как индивидуации воли к жизни. Такое преодоление достигается аскетизмом и угашением потребностей. Не принимая самоубийства, требующего воли, человек противопоставляет воле безволие, созерцающее отрешение от потребностей, в конечном счёте ведущее к смерти, принимаемой с облегчением.

Такого рода этика, отвергшая оптимизм общезначимых этик (гедонизма, эвдемонизма, утилитаризма...) и обещавшая индивидуальную значимость, выразилась в унификации индивидов в их страдании и общезначимости пессимизма.

Ф. Ницше создал контуры этики сверхчеловека – мудрого, сильного и невинного. Мудрость проистекает от интуиции, постигшей мощь своей воли к власти, сила – от слитности с победоносной волной мировой воли к власти (укоренённости в созданных ею обстоятельствах), невинность – от соответствия действий возможностям победоносной воли. Винодность является следствием расхождения между требуемыми действиями по противостоянию сильной воле к власти и возможностями слабой воли к власти. Вина – это страдание, горечь от поражения, поэтому виновен слабый. Не будучи укоренённым в сильную волну воли к власти, слабость возмещает себя отвлечениями и измышлениями – умом, средством всеобщей фальсификации мира. Этика как детище ума общезначима для массы слабых (противостоящей сильным одиночкам, горным людям), но лжива, нежизнеспособна и уныла. В то же время она по-своему унифицирует массу индивидов на основе весьма спекулятивного понимания сущности человека, приравнивающего сильного и слабого, аристократа и плебея.

Противоположная этике слабых, этика сверхчеловека постигается интуицией, противостоящей разуму, а не включенной в него в качестве дополнения к логическому мышлению. Поэтому этика сверхчеловека общезначимо выражима лишь в метафорах, допускающих разнообразные, в том числе взаимоисключающие буквальные толкования (от богоискательских до нигилистических). Такая этика слишком неопределённая, чтобы быть альтернативой техницизму. Экзистенциализм религиозного варианта взывает к индивиду, личности, определяющей себя в отношении к Богу. При этом можно отвергать соборность веры и настаивать на индивидуальной ответственности перед Богом. Однако если Бог один для всех, то и Богу угодное одинаково для всех, что унифицирует верующих. Познание своей экзистенции индивидом достигается самопознанием переживаний, обращённых к Богу. И будет ли Бог трансцендентным к своим знакам в повседневном мире или приоткрывшимся в экстазе творчества, прорывающегося сквозь конечное и временное, – Бог будет надындивидуальным (даже если он оказывается «мы», а не

«оно» для индивидов).

Нерелигиозный экзистенциализм изображает индивида брошенным в чуждый и абсурдный мир. Субъективно индивид полностью свободен, любой выбор одинаково возможен. Равновозможность выбора лишает выбираемое предпочтительности и в то же время ответственность за любой выбор целиком возлагается на выбирающего индивида. В первом приближении такое изображение индивида выглядит достойной гуманитаристской альтернативой техницизму. Однако при более внимательном рассмотрении появляются сомнения.

Поток переживаний может быть обращён к угрозам индивиду со стороны необходимости общественной деятельности и временности биологической жизни. Экзистенциализм должен сказать, что именно в себе индивид стремится защитить от общественной деятельности. Если защищается нечто приобретенное в обществе и право на выбор видов общественной деятельности, то такое право существует только в обществе и расширяется только в общественной деятельности, в частности в обучении и научном исследовании. Если защищается нечто внеобщественное, свойственное психике индивида до и вне общества, то оно именуется животными инстинктами и влечениями. Вряд ли их имеет в виду экзистенциализм. Тогда остаётся защищать воображаемую свободу в позе индивида над общественной деятельностью. Позу принимать можно, но жить приходится общественной деятельностью, включающей техницистскую унификацию.

Обращение экзистенциализма к внутреннему миру человека и поиск многомерности индивида служит альтернативой техницизму, упрощённо говоря, довольствующемуся одномерностью индивида. Однако действенность, жизненность экзистенциалистской альтернативы несравненно слабее техницистской.

Фрейдизм, хотя и сосредоточился на психике человека и психологической подоплёке общественной деятельности, не противопоставил себя техницизму и ввёл унификацию структуры и процессов психики индивидов. Общественную деятельность, в том числе гуманитарную и научно-техническую, он противопоставляет процессам в бессознательном. Исключение составляют неоправданные надежды трансперсоналистского варианта фрейдизма на альтернативу научному познанию, состоящую во внетелесном подступе к мировому информационному полю. Фрейдизм во всех своих вариантах не составляет гуманитаристскую альтернативу техницизму.

Шумной, но не альтернативой, а псевдоальтернативой техницизму является постмодернизм. Отвергнув определяющую роль объективного по отношению к субъективному, обязательности смысловой определённости и логичности в употреблении языка и приписав индивиду маргинальность (промежуточность, бесформенную переходность), постмодернизм способен измышлять лишь звучные метафоры (текстовые полифонии, симулякры и т. п.), пародирующие действительность, которая порождена техницизмом. Чтобы быть альтернативой техницизму, надо его определённости противопоставить другую определённую. Постмодернизм же противопоставляет техницистской определённости свою неопределённость, т. е. отсутствие определённой альтернативы.

Рассмотренные гуманитарные знания стремятся установить индивидуальность человека, но не рекомендуют видов общественной деятельности, альтернативных техницистским. При этом ясно, что многие нетехницистские виды общественной деятельности (писательская, скульпторская, художественная...) не противостоят техницистским, а дополняют их. Тем не менее, несмотря на отсутствие рекомендуемых гуманитаризмом видов общественной деятельности, альтернативных техницистским, в массовом сознании сложилось мнение, что гуманитаризм альтернативен техницизму по существу и рекомендует антитехницистские виды общественной деятельности. На самом деле, если внимательнее присмотреться, альтернативой техницизму и неубедительному гуманитаризму служит здравый смысл. В англоязычной литературе не одна книга посвящена соотношению науки (или научного познания) и здравого смысла. Сейчас во времена шумной гуманитаристики о здравом смысле забыли, но это не изменяет его подлинного значения. Здравый смысл обнаруживает себя в отношении различных общественных явлений. Здравый смысл – это обыденные знания, приобретаемые в процессе материальной и духовной деятельности индивидов и их первичных единений (семья, производственный коллектив). Относительно независимый от теоретических предпосылок, обуславливающих объяснение, понимание и предвидение, он, тем не менее, объясняет, понимает и предвидит в понятиях обыденного опыта, ограниченного воспринимаемым, а не воображаемым или допускаемым. Если он и философствует, то в понятиях воспринимаемого, наблюдаемого. Противостояние техницизма, гуманитаризма и здравого смысла иллюстрируется их отношениями к основным общественным явлениям: глобализму, ухудшению среды существования, засилью посредственности, вырождению семьи и т. д.

Глубина познания и широта преобразования мира выделяют европейскую культуру из других и обуславливают её всемирное распространение. Различные виды общественной деятельности (экономической, правовой, политической, исследовательской и др.) стали связанными и единообразными для всего мира, т. е. глобальными. Наука, техницизм поддерживают глобализацию человеческой деятельности, поскольку она совершенствует и делает более плодотворной последнюю. Гуманитаристика теряется в оценках потерь и приобретений в глобализации жизни, но в целом обеспокоена исчезновением или угасанием самобытности сложившихся видов деятельности в различных местах земли. При этом она не предлагает альтернативных оценок глобализации и равноценных противостоящих ей отношений между людьми. Здравый смысл, напротив, признавая очевидные достоинства глобализации общественной деятельности, отмечает её недостатки и предлагает пути их преодоления, альтернативные глобализации процессы. К недостаткам относятся: экономическая специализация, концентрация исследовательского потенциала в развитых странах, вынужденная миграция населения, относительное обнищание и постоянный рост внешнего долга отсталых стран и т. д. Пути их преодоления могут быть: сохранение и приумножение самобытных видов деятельности, высокие налоги на ввозимый капитал, учёт и сохранение достоинств самобытного образа жизни и т. д.

Ухудшение среды существования явилось прямым следствием техницизма, т. е. научно-технического оснащения производства и быта. Наука и техника ищут и предлагают средства ограничения отрицательного влияния производства на среду существования, но они противоречивы (ограничивая одно – состав выбросов, например, расширяют другое – производство в целом с его выбросами, чтобы произвести и применить средства ограничения). Гуманитаристика, особенно в варианте антисциентизма, убедительно винит техницизм в ухудшении среды существования, но не предлагает альтернативы современному наукоёмкому производству и соответствующему ему быту. Здравый смысл также отмечает ухудшение среды существования, но не отказывается от преимуществ наукоёмкого производства, а требует ограничения его возможностями утилизации его отходов.

Посредственность является спутником массового производства, требующего способностей, ниже выдающихся и выше низких, не позволяющих участвовать в массовом производстве. Поскольку в любую эпоху основным занятием людей было производство средств существования, постольку посредственность всегда была массовой. Когда говорят о засилье посредственности, имеют в виду преобладание мнения о самодостаточности посредственности, отсутствию в ней тяги и уважения к выдающемуся. Техницизм оправдывает засилье посредственности разделением и оптимизацией труда. Гуманитаризм, особенно в вариантах экзистенциализма и постмодернизма, субъективистски поднимает посредственность до уровня равноценной альтернативы выдающемуся. Здравый смысл критикует выдающееся за отрыв от посредственности, усматривает в засилье посредственности результат пренебрежения её возможностями самоутверждения, но считает посредственность нуждающейся в выдающемся. Он предлагает, взамен техницистскому прагматизму и гуманитаристскому эклектизму, в образовании и воспитании руководствоваться приоритетом творческого над исполнительским, фундаментального над прикладным, подвижнического над обыденным, бескорыстного над корыстным, тем самым демонстрирует определённую и объективную необходимость относительного преодоления засилья посредственности.

Наконец, в качестве последнего примера противостояния техницизма, гуманитаризма и здравого смысла можно взять их представления о современном состоянии семьи.

Наука и техника, сосредоточенные в медицине, расширили знания о половых свойствах человека. Техницистская экономика выравнивает положения мужчин и женщин в обществе. Стандарты жизни растут. Расширяются возможности уклонения от неизбежностей и обязанностей, природных и общественных. В результате в развитых странах возобладала бессемейность, появились однополые и групповые браки. Техницизм оправдывает такое положение экономически и биологически. Гуманитаризм лишь в варианте философии В. С. Соловьёва отвергает такое положение и требует подчинение морали всех сторон общественной жизни. Но ещё при жизни В. С. Соловьёва идея приоритетности морали не была принята гуманитарным знанием. Теперешний гуманитаризм лишил общественной моральной оценки расширившиеся социально-экономические и биологические возможности и

оправдывает выбор любой из них. Гуманитаризм усматривает в современных представлениях семьи поиск и рождение новой семьи. Здравый смысл отмечает изменение социально-экономического статуса семьи и её членов, но признаёт неизменной её биологическую основу (сохранение рода), социальное преобразование которой создало мораль семьи, отвергающей именование семьёй тех единений, которые угрожают сохранению рода. И здесь здравый смысл хотя и бесхитроу, но подлинно альтернативен техннцнзму.

Вывод. Вопреки видимости, гуманитаризм не является альтернативой техннцнзму в силу своей эклектичности либо приверженности достижениям техннцнзма. Альтернативой техннцнзму служит относительно независимый от него и гуманитаризма здравый смысл.